

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 323.1

DOI: 10.37468/2307-1400-2022-4-5-27

ПОСТВОЕННАЯ ДЕНАЦИФИКАЦИЯ УКРАИНЫ: ЗАДАЧИ, ПРИНЦИПЫ, КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ГРУПП ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

Шерстобоев Владислав Владимирович¹

¹Академия наук Республики Татарстан, Казань, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье предлагается взгляд на структуру и методологию поствоенной денацификации Украины. Производится пересмотр понятийного аппарата, связанного с предметом денацификации и предлагаются авторская дефиниция фашизма и критерии выделения нацизма. Общепринятая схема проявления фашизма на государственном (политический режим) и организационном (милитарные/парамилитарные партии и движения) уровнях дополнена сферой общественного сознания и повседневных коммуникативных практик. Делается анализ понятия «украинство» и обосновывается его интерпретация как разновидности нацизма. Отмечается специфика украинского нацизма, его собственная «интеллектуальная» традиция, развивавшаяся независимо от идеологий Третьего рейха. Делается попытка сформулировать комплексные задачи и принципы борьбы с поражёнными нацизмом институциональными и общественными структурами. Вводится понятие групп особого внимания и предлагаются критерии их выделения на всех уровнях общества.

Ключевые слова: Украина, фашизм, нацизм, украинство, поствоенная денацификация, задачи денацификации, принципы денацификации, группы особого внимания.

POSTWAR DENAZIFICATION OF UKRAINE: TASKS, PRINCIPLES, CRITERIA FOR HIGHLIGHTING GROUPS OF SPECIAL ATTENTION

Sherstoboev Vladislav V.¹

¹Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

ABSTRACT

The article proposes a view of the structure and methodology of the postwar denazification of Ukraine. The conceptual apparatus associated with the subject of denazification is being revised and the author's definition of fascism and criteria for distinguishing Nazism are proposed. The generally accepted scheme for the manifestation of fascism at the state (political regime) and organizational (military / paramilitary parties and movements) levels is supplemented by the sphere of public consciousness and everyday communication practices. An analysis of the concept of "Ukrainianism" is made and its interpretation as a variety of Nazism is substantiated. The specificity of Ukrainian Nazism, its own "intellectual" tradition, which developed independently of the ideologies of the Third Reich, is noted. Comprehensive tasks and principles of combating the institutional and social structures struck by Nazism are formulated. The concept of groups of special attention is introduced and the criteria for their discharge at all levels of society are proposed.

Keywords: Ukraine, fascism, Nazism, Ukrainianism, postwar denazification, denazification tasks, denazification principles, groups of special attention.

Введение

Денацификация является многомерной задачей, которая стоит не только перед российской армией, но перед всем народом, культурой, обществом. Системы медиа, образования, науки,

коммуникативные сообщества и социальные группы российского общества так или иначе будут вовлечены в этот безусловно длительный, болезненный и сложный процесс на микро-, мезо- и макроуровнях.

Однако невозможно говорить о денацификации, не определив ее объект, а равно и не достигнув ясного понимания, что собой представляет украинский нацизм и почему начало Специальной военной операции (СВО) было неизбежно. Для этого на основании существующих подходов будет предложена авторская система понятий и дефиниций фашизма, нацизма и «украинства», как разновидности последнего. Будут рассмотрены существующие трактовки и подходы к денацификации Украины. Только решив эти задачи можно будет обратиться к не менее важному определению истинных масштабов, задач и принципов денацификации. Отсутствие их ясной операционализации грозит как минимум незавершённостью борьбы с нацизмом, а как максимум – провалом этой исторической миссии российского общества и российской культуры XXI века.

Вот почему необходимым является не только военное завершение денацификации бывшей Украины, но и обеспечение куда более полиаспектного процесса – процесса, связанного с освобождением общества от нацизма не только в актуальном модусе, но и в потенциальном; не только в виде внешней опасности, но и в виде внутреннего риска.

Подготовка понятийного аппарата

Несмотря на многообразие подходов, большинство авторов, считающихся ведущими исследователями фашизма, склонны избегать строгих определений. Так, Эмилио Джентиле [1] даёт чисто описательную характеристику, даже не пытаясь как-то категоризовать фашизм, именуя его «политическим феноменом». Эрнст Нольте пытается дать определение через отрицание: «Фашизм есть антимарксизм» [2, с. 35], что также не может считаться полноценной научной дефиницией (как и практически любое апофатическое определение). Вслед за ним Роджер Гриффин, Хуан Линц и Стенли Пейн (см. обзор в [3, с. 24-26]) сосредотачиваются на перечислении идейных течений и философских концепций, составляющих, по выражению Дьердя Лукача

[4, с. 714], демагогический синтез всех иррациональных тенденций 19 и начала 20 веков. При этом подобраны они зачастую таким образом, что исключительно по формальным, а не содержательным признакам фашизм и коммунизм приравняются, а фашистские режимы и СССР рассматриваются как явления одного порядка, за что концепции Э. Нольте, Э. Джентиле и Р. Гриффина справедливо подвергаются критике со стороны Зеева Штернхеля [5]. В свою очередь, Майкл Манн критикует З. Штернхеля, Э. Нольте и Дж. Мосса за попытки отделить фашизм от нацизма и противопоставить их, подчёркивая «необходимость использования слова «фашизм» в качестве общего понятия» [3, с. 22-23], подразумевая, что «был диапазон фашистских движений и практик» [3, с. 24].

Однако даже из перечисленных нами эклектичных концептуальных нагромождений можно попытаться вычленить сущностные элементы.

Первым таким элементом – наиболее заметным, а потому отмеченным в той или иной форме всеми авторами, – является идеализм во всех его проявлениях: от идеализма философского в виде отказа от идей Просвещения (антиматериализм, антирационализм, культ героя и вождя, волюнтаризм, романтизм, мистицизм, антигуманизм, антибуржуазность, выступающая против либерального индивидуализма) до идеализма политического (что проявляется в антилиберализме, антипарламентаризме, антимарксизме, антикоммунизме, спекулятивном антибуржуазном национализме, корпоративизме и синдикализме).

Вторым элементом, также лежащим на поверхности, оказывается насилие. Однако одного упоминания «милитаризма» и «империализма» недостаточно, ибо это не отражает:

1) всё того же идеализма и сакрализации, о чём подробно пишет З. Штернхель: «Фашистский стиль, впечатляющий своей агрессивностью, великолепно олицетворяет новые этические и эстетические ценности..., они исповедуют высочайшее презрение к старому буржуазному миру, воспевают необходимость и красоту насилия... В этой «поэтике героизма» содержится культ пря-

мого действия и войны..., она воинственно националистична» [5, с. 53-54];

2) насилия как неотъемлемой составляющей организации фашистских движений, на чём особо делает акцент М. Манн.

Последний заслуживает особого внимания, ибо опирается на результаты масштабного сравнительного исследования и делает попытку дать альтернативное определение фашизму. В его трактовке фашизм является «попыткой создать трансцендентное национальное государство при помощи парамилитаризма, проведя народ через чистки» [3, с. 28]. Уязвимость данного определения заключается в том, что М. Манн видит в парамилитаризме «ключевую ценность и ключевую организационную форму фашизма» [3, с. 32], вокруг которой выстраивается вся концепция. Одновременно он утверждает, что «фашизм отличается от военных диктатур», очевидно, на основании только лишь того, что в них та же самая «попытка создать трансцендентное национальное государство» с «проведением народа через чистки» осуществляется не парамилитарными, а полноценными милитарными средствами.

Иначе говоря, Майкл Манн предлагает исключительно позитивистско-формалистский подход к определению фашизма, и этого исключительно формального критерия, игнорирующего саму сущность этого феномена, ему кажется достаточно, чтобы не называть фашизмом диктатуры Ю. Пилсудского, Г. Маннергейма, А. Пиночета, «черных полковников» и т.д. Уже на этом основании мы позволим себе не согласиться с формулировкой М. Манна и отметить, что парамилитаризм – хоть и заметная, но не существенная характеристика фашизма и не может выноситься в определение как таковая. Тогда как насилие в форме определённого типа диктатуры вполне может на это претендовать – особенно если понимать под властью и насилием, к примеру, «микрофизику власти», как её описывал Мишель Фуко, или «молекулярное насилие», как пишут современные исследователи.

Например, в известном определении фашизма из резолюции XIII пленума Исполнительного

комитета Коммунистического интернационала, озвученном Георгием Димитровым на VII Конгрессе Коминтерна в 1935 г., именно эта сущность и отражена, пусть и на другом концептуальном языке. Говоря об «открытой террористической диктатуре наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала» [6, с. 589], он даёт нам в руки сущностную характеристику политического режима, установившегося на Украине после 2013 года. С той разницей, что если приходу к власти фашистских режимов в 20-30-х гг. XX в. западные державы лишь способствовали, то украинский фашизм ими полностью контролируется и регулируется в условиях, приближённых к лабораторному эксперименту.

Тем не менее, и у этого определения есть свои недостатки, связанные с ассоциацией диктатуры с политическим режимом или, говоря шире, – с неким консолидированным и централизованным политическим субъектом, осуществляющим насильственное принуждение к повиновению на контролируемой им территории. В этой связи неполнота всех рассмотренных подходов и попыток определения фашизма заключается в подразумеваемом обязательном наличии консолидированного политического субъекта, будь то парамилитарные движения и военизированные партии, рвущиеся к власти, или установившие диктатуру фашистские режимы.

Такой подход представляет собой всего лишь перечисление агрегатных состояний, и то не полное, ибо он фиксирует лишь очевидное «жидкое» и «твёрдое» состояние, полностью игнорируя «газообразное» (ту самую систематичность «молекулярного» насилия, о которой мы говорили выше). Речь идёт о том, что уже в послевоенных исследованиях А.А. Галкин отмечал в качестве важной особенности фашизма, а именно «способность устанавливать широкие связи с многочисленными группами, не относящимися к правящим классам, в умении мобилизовать и политически активизировать эту часть населения в интересах эксплуататорского слоя» [7, с. 9]. А уже в 1990-е гг. это свойство фашизма прояви-

лось в Европе в широком явлении «Reconquista», являющимся «стратегией аннексии культурного пространства» с пропагандой «культурного национализма» (содержащего в себе в том числе социал-расизм), расистского «стиля жизни» и потребления, «дискурса политической борьбы и насилия», наилучшим образом описанном у Рафала Панковского [8].

Опыт почти двух десятков лет пристального наблюдения за процессами фашистской «реконкисты», в том числе на Украине, позволяет говорить о том, что помимо организованных партий и движений, которые длительное время могут иметь маргинальный статус и даже иногда подвергаться показательным «репрессиям», с социологической точки зрения гораздо более важное значение имеет институционально инспирированное и поддержанное появление дисперсной сети носителей фашизированного сознания и практик, проявляющихся во всём многообразии как коммуникативных, так и инструментальных, материальных, символических, практических актов повседневного насилия и расчеловечивания по социальному, политическому, языковому, культурному, историко-коммеморативному, территориальному, национальному, экономическому и конфессиональному признакам. Ведь задолго до государственного переворота в феврале 2014 года значительная часть населения Украины уже проявляла признаки фашизированного сознания [9], а уже в ходе так называемой «революції гідності» с готовностью одобряла линчевания, убийства и отказ от оказания медицинской помощи умирающим людям, если те оказывались носителями иной точки зрения и/или представителями органов правопорядка.

При этом государство может не соответствовать ни единому из многочисленных перечисленных выше критериев «фашистскости». Его вообще может не быть, оно может быть заменено симулякрот с имитацией всех формально-демократических процедур, за которыми будут скрыты реальные субъекты и механизмы управления общественно-политическим сознанием, в частности, его планомерной фашизацией. Именно

так, забегая вперёд, и произошло на территории бывшей Украины: государственный аппарат был полностью подменён симулякрот при сохранении некоторых остатков административного аппарата с целью инерционного использования ресурсов захваченного общества и территории. И отождествление фашизма исключительно с формой парамилитарных отрядов (М. Манн) или режимом диктатуры (Г. Димитров) исключает из поля зрения исследователя коммуникативные практики поддержки и воспроизводства фашистского дискурса (перечисленные, например, в пунктах ст. 282 УК РФ).

Таким образом, сфера проявления фашизма должна быть дополнена и включать уровни: а) политического режима; б) милитаризованной партии и/или парамилитарного движения; в) массового сознания и повседневных коммуникативных практик (соответственно, макро-, мезо- и микроуровни проявления фашизма). Без учёта последнего уровня невозможно будет говорить о сколько-нибудь эффективной и полноценной денацификации.

Возвращаясь к рассуждениям М. Манна о природе фашистского насилия, мы сталкиваемся с парадоксальным высказыванием: «Будь фашизм только крайним национализмом – он был бы ксенофобией, и только. Но, принимая парамилитаризм, фашисты подталкивают друг друга к экстремальным действиям, убивают своих противников и убеждают множество зрителей, что смогут наконец принести в современное общество порядок» [3, с. 27]. То есть, по мнению М. Манна, фашисты убивали не потому, что были «крайними националистами», а только лишь потому, что «приняли парамилитаризм». В этом мы видим распространённое у многих авторов упорное стремление затушевать третий, доктринально наиболее важный и универсальный сущностный элемент фашизма – идею неравенства как фундаментальный принцип предлагаемого социально-политического проекта, в чём мы полностью согласны с доводами Варгана Багдасаряна [10].

Например, следует иметь в виду, что идея неравенства может проявляться даже в, казалось бы,

безобидных и официально продвигаемых идеях вроде «протестантской этики» (где неравенство вообще возведено в теологический принцип). Непроговоренная идея неравенства стоит за «гипернационализмом» Х. Линца, «ультранационализмом» Р. Гриффина и «абсолютным приматом моноэтнической нации» Э. Джентиле, но немногие, как, например, З. Штернхель, прямо говорят о социал-дарвинизме, биологическом детерминизме, биосоциальном иерархизме и элитаризме. Весьма вероятно, что здесь мы видим водораздел между латентной апологетикой (к коей с уверенностью можно отнести и Д. Моисеева [11]) и критикой фашизма (см., например, [12, 13, 14, 7]).

Идея неравенства здесь, в соответствии с эволюционной доктриной аристократического элитаризма (см., например, [15, 16, 17]), имеет вид сословного, кастово-варнового типа, то есть непреодолимой иерархии (зачастую закреплённой биологически или антропологически), качественного деления людей на сорта, дающего обоснование ничтожности «низших» и права «высших» ими управлять, эксплуатировать и уничтожать. Р. Панковский в своём исследовании расизма в популярной культуре поясняет, что в данном случае в повседневной коммуникации происходит «кодирование культуры как биологии» [8, с. 31], а этничность воспринимается как «раса» с градацией по «чистоте», «полноценности» и социальной «ценности». И для этого вовсе не обязательно устанавливать прямую фашистскую диктатуру: внешне всё может вполне соответствовать «европейским стандартам демократии».

Именно в этой логике, отметим в скобках, следует рассматривать всплеск в Европе русофобии, которая, по мнению Михаила Деягина, может стать «такой же доминирующей ценностью современного Запада, какой в гитлеровской Европе был антисемитизм... [с] превращением нашей Родины в «страну-изгой», а русских – в «народ-изгой» с его вероятным последующим уничтожением (как минимум культурным, а возможно, и физическим)» [18, с. 7].

На этом основании мы определяем фашизм как *диктат идеалистического элитаризма*,

рассматриваемый и как доктринальный принцип, и как политическую практику. Здесь под диктатом понимается подавление любой формы инакомыслия и избрание насилия главным средством коммуникации и организации власти. Эпистемологический идеализм (в первую очередь субъективный) в нем занимает позицию господствующей методологии. Элитаризм воплощает фундаментальную идею качественного неравенства людей от социал-дарвинизма до расизма и генетического детерминизма.

В таком контексте лишь чисто внешним парадоксом оказывается тот факт, что содержание и характер реализации таких политико-идеологических проектов, как «зелёная экономика» и «эко-активизм», ЛГБТ-повестка и практика дискриминации по биолого-антропологическим признакам, национальной принадлежности и культурной идентичности, отмена принципов верховенства права и неприкосновенности частной собственности (юридический волюнтаризм) и многое другое делает всё более очевидным идеалистическую и элитаристскую сущность современного либерализма, принимающего форму открытой диктатуры. Можно сказать, что наступившая «вторая волна фашизации» – горькая насмешка над конъюнктурной апологетикой либерального глобализма в исполнении Сэмюэля Хантингтона [19], фактически провозглашённая и легитимированная (!) не менее конъюнктурным Фрэнсисом Фукуямой сразу после начала СВО [20].

Ещё одним важнейшим методологическим актом будет установление рамочного понятия и иерархических отношений с другими категориями. Соглашаясь здесь в целом с позицией М. Манна по поводу признания фашизма понятием наибольшей степени общности, мы, тем не менее, должны уточнить его соотношение с нацизмом. Действительно, по большинству характеристик различия между ними сводятся лишь к степени проявления: нацизм представляет собой крайнюю форму фашизма. Однако именно эти крайние проявления выделяются конкретной практикой, отличной от простого

экспансионизма и империализма, свойственных многим фашистским режимам. Эта практика заключается в очистке территории («жизненного пространства») посредством уничтожения целых категорий населения (геноцид) на основании биолого-антропологической (расовой или генетической), социокультурной, территориально-лингвистической, национальной, историко-коммеморативной, конфессиональной или иной принадлежности, «низший», «недочеловеческий» и враждебный статус которой закреплён доктринально (см., например: [21, 22]). И если М. Манн считает, что чистки, неважно – политические или этнические, – являются необходимым условием фашизма, то мы добавляем, что этнические и им подобные чистки именно на основе коллективных этнографических признаков и именно ради освобождения «жизненного пространства» являются достаточным условием нацизма. При этом важно подчеркнуть, что нацизм хоть и имеет наиболее выразительное воплощение в нацистской Германии, увязывать его исключительно с идеологией Третьего рейха (как например, в определении И. Глебова [23. с. 8]) – значит закрывать глаза на возможность существования иных, негерманских нацизмов и недооценивать уровень угроз, возникающих в непосредственной близости от границ России.

Политическая доктрина «украинства» как нацизм

Для прояснения предмета разговора о денацификации Украины необходимо определить, какой тип украинской национальной идеи становится господствующим всякий раз (во всяком случае, из известных на данный момент в истории), когда территория Украины выпадает из российского политического пространства. Ведь, помимо всего прочего, этот процесс всякий раз сопрягается с физическим уничтожением носителей альтернативных типов национальной идеи, как это было с русинами и «москвофилами» в начале Первой мировой войны [24, 25], как это было с «жидами, ляхами и москалями» (терминология ОУН) во время Второй мировой войны, и как это

повторяется в наши дни. Иными словами, само рождение феномена украинского национализма носит печать «каинова греха» уничтожения своих собратьев. При этом в таком основополагающем труде, как «Национализм» Дмитрия Донцова [26], изданном в 1926 г., перечисляются все необходимые атрибуты фашизма, сведенные в список «требований волевого национализма»: «Воля как закон жизни, воля к власти» [26, с. 159], «романтизм, догматизм, иллюзионизм» [26, с. 178], «фанатизм и аморальность» [26, с. 189], «творческое насилие и инициативное меньшинство как упорядочивающие силы» [26, с. 210].

Идеи элитаризма также развивались Д. Донцовым в серии работ, самые значимые из которых – «Маса і провід» (1935 г.) и «Дух отари і дух провідництва» (1952 г.), где «массе» и «стаду» противопоставляется не нейтральное «руководство» (укр. керівництво), но именно «провідництво» как харизматическое лидерство, т.е. фюрерство (ср.: «Степан Бандера – Провідник українського визвольного руху»). Такая вполне ницшеанская логика противопоставления сверхчеловека и человека наследуется и идеологом ОУН Николаем Сциборским в главном для него труде «Нациократия» (1935 г.). Вполне в духе европейского фашизма он определял нациократию как «режим господства нации в собственном государстве, который осуществляется властью всех социально-полезных слоев, объединённых – соответственно их социально-продуктивной функции – в представительских органах государственного управления», воплощенной в «национальной диктатуре» (27, с. 75). Здесь показательны и смычка логики фашизма с логикой вульгарного развитого капитализма, при котором нациогосударство становится фундаментальной единицей пространства, и мобилизационно-солидаристская оснастка этой логики, и биологизаторская лексика («продуктивная функция»), и беззастенчивое жонглирование радикальными категориями вроде «национальная диктатура» или «господство нации».

Однако считать, что у украинского фашизма нет собственной специфики и «интеллектуальной» традиции, будет непозволительным упроще-

нием и существенной недооценкой. Рассмотрим эту специфику на примере краеугольного понятия «украинства», которое никоим образом не следует отождествлять ни с этнической принадлежностью, ни с национальностью, ни с народом. Не следует его смешивать и с чисто культурно-этнографическим «укаинофильством» и «хлопоманством» интеллигенции XIX века, хотя, конечно, некоторая генетическая связь здесь прослеживается.

Понятие «украинство» в конце XIX века «было концептуализировано и оформлено как принцип политической мысли и действия» [28, с. 14], то есть изначально выражало политическую концепцию украинского национализма. Причём практически сразу возникла наиболее крайняя, откровенно нацистская его интерпретация в исполнении основателя Украинской народной партии Николая Михновского, воплощенная в т.н. «Десяти заповедях УНП» (1903). Там, в частности, провозглашалась «одна, единая, неделимая, от Карпат аж до Кавказа суверенная, свободная, демократическая Украина – республика рабочих людей» (цит. по [29, с.38]). Одновременно должно было выполняться требование «Украина для украинцев!», вследствие чего предлагалось выгнать «отовсюду с Украины чужаков-гнобителей» [там же] и, соответственно, постулировалось, что «москаля, ляхи, угры, румыны и жида – это враги нашего народа» [там же] и в «демократической Украине» в категорию «людей» не входили. Отдельно констатируем, что о необходимости территориальной экспансии с этническими чистками (геноцидом) местного населения Н. Михновский говорил за 21 год до написания А. Гитлером первого тома «Mein Kampf», и в этом смысле «украинство» как нацистский феномен недооценён человечеством как исторически, так и социологически.

Второй важнейшей составляющей понятия «украинства», проявившейся до Первой мировой войны, стал курс на конструирование политической нации на основании негативной идентичности: «Украина как Антироссия». Об этом направлении деятельности Н. Михновского на Юге России прямо пишет украинско-канадский

историк т.н. «национально-освободительной борьбы» П. Мирчук: «Украинская народная партия (УНП) очень выразительно и резко отделяла от остальных своих программных целей то, что считала наиглавнейшей своей целью. Этой целью было: «отрывание Украины от России и создание Самостоятельной Украинской Республики» [там же]. В то же самое время в Австро-Венгрии Д. Донцов в целой серии публикаций (см. в [30]) определяет две главные проблемы, стоящие перед украинством: преодоление «ментального малороссийства» и цивилизационно-культурный конфликт с Россией, в основе которого лежит идея принципиальной несовместимости.

Попутно Д. Донцовым артикулировались социал-расистские идеи противопоставления «идейного украинства» «сознанию тёмных, обманутых вековой русификаторской политикой, масс украинского мужицтва» [30, с.13-14]. Широким народным массам, как и подобает в любом нацистском учении, отказывается в праве на какую-либо субъектность – и здесь нацизм оказывается дважды антимакизмом. При этом Д. Донцов умалчивает о том, какой «вековой русификаторской политике» в 1911 году могли подвергаться галицкие русины, хранившие память о культурном единстве с Россией. В дальнейшем Д. Донцов будет настойчиво повторять антироссийские и русофобские идеи, разжигая рознь и ненависть, например, в таких работах как «Российский хищник – вчера и ныне» (1950), «Душа москаля» (1954) и сборник «Московская отравка» (1958).

Одновременно максимально откровенную концептуализацию даёт Степан Бандера в тексте «Украинская национальная революция, а не только противоречивый резистанс» (1950), однозначно ставя знак равенства между понятием «украинство» и тотальной борьбой против России и русскости: «В освободительной революции вся борьба и вся деятельность на внутреннем, украинском отрезке должна быть так поставлена, чтобы сильнее укреплять, обострять во всех областях фронтную линию между Украиной и Москвой, между: украинством, украинским духом и содержанием – и россий-

щиной. Украинское националистическое движение должно мобилизовать, организовать, идейно насыщать и направлять, и действенно скреплять все формы оборонной борьбы против российского наступления во всех формах. Оно должно четко реализовать бескомпромиссную позицию в тотальной борьбе с Россией, в отпоре ее тотальному наступлению. В частности, националистическое движение должно резко выступать, будить национальную чуткость и упорство там, где она приходит в упадок, где врагу удалось усыпить или подавить ее, и где в игру входят важные вопросы борьбы Украины с Московщиной, сущностные дела самостоятельной жизни и развития нации» [31, с. 201]. Эти идеи он впоследствии развивает в статьях «С москалями нет общего языка» (1952) и «Московский империализм и коммунизм – две формы одного врага» (1958). Обратим внимание на то, что даже на уровне семантики и морфологии автор текста противопоставляет «украинство» и «российщину» (для иллюстрации этого достаточно просто инвертировать суффиксы, чтобы оценить аффективную нагрузку). На уровне же содержания оказывается, что апостолам «украинства» просто нечего предложить, кроме вечной и бессмысленной ненависти и «бескомпромиссной позиции». Борьба, которая может быть исключительно средством, здесь становится целью и даже самоцелью.

С. Бандера также дополнил уже существующую практику антироссийских коалиций, союзов и патронатов идеологическим обоснованием необходимости широкого объединения для уничтожения России – идеи, которая в рамках понятия «украинства» по своей важности конкурировала и временами даже теснила идеи этноцентризма Н. Михновского и национализма Н. Сциборского. В статьях 1958 года «Национально-освободительная революция и российские антикоммунистические силы» [31, с. 621] и «Общий фронт национально-освободительных революций» [31, с. 633] оформлялась идейная почва организаций наподобие «Антибольшевистского блока народов», антироссийские инкарнации которых во множестве стали

возникать в 2022 году (например, «Съезд народных депутатов России» в Польше, «Международный антиавторитарный союз», «Форум свободных народов постРоссии» и т.п.).

Еще один идеолог ОУН Юрий Липа [32] писал в июне 1941 года о расчленении России, а также о создании «черноморско-балтийской федерации» во главе с Украиной (1940 [33]) и об экспансионистской агрессии в Казахстан («Серая Украина») и на российский Дальний Восток («Зелёная Украина») [34]. Однако для нас более важна его концепция «украинства» как биологической расы, то есть в классическом нацистском понимании единства духовно-волевого, расового и политического. В книге «Предназначение Украины» (1937) политическую борьбу украинства он представляет как битву расы: «Это противоборство с великой украинской расой не имеет себе равных в Европе» [35, с. 10]. В неё же в качестве главы входит написанная в 1936 году книга «Украинская раса», где Ю. Липа рассуждает о «единстве, упорстве и натиске расы» [35, с. 133] и о «солидаризме расы» [35, с. 230].

Справедливости ради следует добавить, что слово «украинство» также широко употребляется для именованья украинской политической эмиграции, то есть националистического актива за рубежом, например: «...самостийницька політична акція, яку веде українство в різних західних країнах» [31, с. 577], или «...во время беспрецедентной в современном мире борьбы Украины большая и способная к выполнению своих задач политическая эмиграция, все действующие среди нее факторы не удосужились на должное развертывание соответствующей зарубежной политической акции... Ответственность и вина падает на целое украинство за границей» [31, с. 121], или «1958 г. политическое украинство широко отмечало в Роттердаме – прежде всего силами трех националистических сред – 20-летие со дня трагической гибели Полковника» [36, с.7]. В данном смысле «украинство» всегда однозначно противопоставляется широкой диаспоре и «лояльным [иностранному государству] гражданам украинского происхождения» [там же, с. 688].

Всё это иллюстрирует тот факт, что понятие «украинство» является сугубо политическим, отражающим специфику украинского нацизма, доктринально построенного на социал-расистском неравенстве и идее превосходства украинской нации (элитаризм), освобождению «этнических территорий» путём этнических чисток (геноцид, этноцид, социцид, лингвоцид), параноидального требования тотальной борьбы против России и русскости, возведенного в ранг национальной идеи, неразборчивой готовности на любые коалиции, любые жертвы и преступления ради уничтожения России.

И мы берёмся утверждать, что политический режим, установленный на Украине в результате государственного переворота в феврале 2014 года, является нацистским на всех трех выделенных выше уровнях проявления фашизма. Многочисленные факты чудовищных преступлений парамилитарных объединений и армии, террор, пытки и убийства, исполняемые структурами МВД и спецслужбами подробно задокументированы в целом ряде сборников показаний и свидетельств, исследований и мониторингов. Это, в первую очередь, почти десятилетние наблюдения и анализ роли ультраправых движений и организаций в украинской политике, которыми занимаются Станислав Бышок и Алексей Кочетков [37-41]. Это и не менее масштабная и длительная работа по сбору и публикации свидетельств преступлений киевского режима Максимом Григорьевым [42-44]. Также это доклады Фонда исследования проблем демократии [45, 46], Белые книги Министерства иностранных дел [47-49] и Следственного комитета [50], доклады Группы информации по преступлениям против личности (IGCP) [51, 52]. Их авторы проводят прямые аналогии с преступными практиками нацистской Германии.

Тем не менее, в исследованиях практически не освещёнными остаются процессы, происходящие с обществом в условиях нацистской диктатуры. В частности, идеология подвергает чисткам и устанавливает контроль над структурированием социального времени (контроль за соблюдением праздников и дней скорби) и социального про-

странства (декоммунизация и дерусификация топонимики). В нём многократно отзеркаливаются и возвеличиваются все перечисленные выше идеологии украинского нацизма XX века, вплоть до расистских и экспансионистских идей Ю. Липы. Их самих и их идеи многократно делают героями таких циклов биографических видеороликов и телепередач, как «Велич особистості» («Величие личности»), «Ген українців», «Від книги до мети» («От книги к цели») «Нотатки Крука» («Заметки Ворона»). Им посвящены специализированные ежегодные конференции (например, в феврале 2023 года готовятся «X Бандеровские чтения») и тикток-флэшмобы для школьников (вроде многократного исполнения песни «Батько наш Бандера» в 2021 году). Планы создания антиросийского фашистского блока стран Восточной Европы обсуждаются на серии конференций «Intermarium Support Group» в 2016-2021 гг. [53]. Призывы к уничтожению России звучат в декабре 2021 г. на «Kyiv Security Forum» с участием представителей стран НАТО [54].

Именно так фашизация охватывает уровень повседневных коммуникаций и профессиональной деятельности историков и блогеров, школьных учителей и музыкантов, медийных политологов и вузовских преподавателей, телеведущих и социологов, волонтеров и участников уличных флэшмобов, бдительных соседей и гражданских активистов, сводящих личные счета коллег и возмущённых русским языком лектора студентов. Все они ежедневной своей деятельностью воспроизводят и поддерживают нацизм и его преступления, а зачастую и соучаствуют, призывая и оправдывая преследования, линчевания, убийства и геноцид в своих собственных социальных сетях. Поэтому к знаменитому выражению Ханны Арендт «банальность зла» следует добавить такое его новейшее свойство, как «транспарентность», то есть открытость и доступность, демонстративность абсолютной безнаказанности как дополнительные средства терроризирования тех, кто всё еще способен заметить эту банальность и прозрачность.

Именно эта банальная транспарентность зла

составляет сущность третьего уровня проявления фашизма, и она-то будет представлять главную сложность предстоящей денацификации украинского общества после его освобождения.

Денацификация Украины как предмет экспертного обсуждения

В 2014 году автор данной статьи, возможно, одним из первых назвал денацификацию важнейшим и критериальным условием восстановления гражданского мира и порядка на территории Украины, в противном случае ее должен был ждать многолетний и кровавый конфликт, наподобие палестино-израильского, с выработкой идентичности сопротивления у населения Донбасса, а также разворачиванием внутреннего террора и резни. Это было сказано на круглом столе, организованном Украинским филиалом Института стран СНГ в Харькове за два дня до «Одесской Хатыни». К сожалению, в дальнейшем теоретико-методологическая разработка денацификации Украины длительное время не проводилась, и до 2022 года эта тема обсуждалась преимущественно в эмигрантской публицистике.

В качестве одного из немногих и поэтому важных исключений следует упомянуть статью 2017 года «Необходимость и неизбежность денацификации Украины» М. Деягина, предваряющую публикацию конкурсной работы с предложениями по организации этого процесса [18], где, в частности, изложено принципиально важное положение об обратимости фашизации общественного сознания: «Трансформация Украины (как и других объятых русофобией стран) не является окончательной и необратимой: если социальная инженерия способна превратить людей в производящих впечатление маньяков нацистов, она же, скорее всего, сможет обеспечить их нормализацию и возврат в лоно гуманизма и здравого смысла» [18, с. 8]. Предложенная в качестве конкурсной работы «Концепция денацификации Украины» [18 с. 10] (с поправкой, конечно, на пятилетнюю давность и кардинальное изменение ситуации) ценна тем, что ее автор на момент написания находился на территории Украины

и изнутри видел установление нацистского режима, деформацию социальных структур и отношений в условиях открытого террора.

Автор предложил ряд, на наш взгляд, не утративших актуальность мер. Среди них создание и юридическое оформление Комиссии по денацификации Украины как чрезвычайного органа управления; выделение категорий лиц, причастных к нацистской деятельности и создание баз данных по всем категориям населения (авторская типология недостаточно дифференцирована и не отражает всей сложности взаимоотношений населения и нацистского режима, однако сама идея верна); сбор показаний о собственных действиях и отношении к событиям за период с момента государственного переворота 2014 г. как важный (однако не единственный, заметим!) инструмент денацификации. Следует также отметить предложение профилактических мероприятий, включающих антинацистскую пропаганду в сфере образования, музеификацию памяти жертв нацизма, героев подпольной борьбы. Наконец, не можем не согласиться с требованием того, что «наиболее значимые преступления нацизма (государственный переворот февраля 2014 г., массовый террор СБУ, террор «нацбатов» и обычных банд, государственная измена в форме передачи управления страной представителям США, уничтожение малайзийского «Боинга»..., осознанное уничтожение мирного населения в ходе военных действий и т. д.) должны... стать неизгладимыми фактами общественного сознания» [18 с. 15]. Отдельно отметим, насколько эти предложения гомологичны практикам превенции фашизации общественного сознания, которые господствовали в коммеморативных структурах и исторической памяти Советского Союза. Однако, как показывает практика, эти практики превенции нуждаются а) в постоянном воспроизводстве; б) очистке от сугубой ритуализированности и формализованности; в) постоянной модернизации с учётом актуальных реалий.

Ряд статей, появившихся после начала СВО, затрагивают различные аспекты денацификации

Украины. В. Багдасарян [55] и В. Кикнадзе [56] дают развернутый обзор причин, приведших к необходимости проведения СВО, ее правового обоснования, доказательств исторической и идеологической преемственности бандеровского нацизма и политики киевского режима в 2014–2022 гг., а также опыта денацификации Германии и Австрии. Тем не менее, принципы и методологии проведения собственно денацификации эти авторы не предлагают – что и неудивительно как для этих, так и для ряда других авторов. Ведь денацификация Украины – это проективный, а не ретроспективный, синтетический, а не аналитический акт, и в этом смысле он существенно отличается даже по методологии.

Правовой аспект процедуры денацификации Украины раскрывает статья доктора юридических наук И. Глебова, весьма эмоциональная, но, тем не менее, предоставляющая системообразующий ряд важных определений. Среди них особо отметим юридическое определение денацификации, отграничивающее целевую категорию противоправных действий и сферы их совершения: «Денацификация – идейная суть долгосрочной целенаправленной работы по искоренению противоправных действий, мотивированных идеями нацизма и националистическими проявлениями в повседневной общественной жизни: будь то политика, пропаганда, агитация, массовая информация, наука, культура» [23 с. 7]. Также автор поднимает важный вопрос «о необходимости подготовки законов, по которым на освобождённых от нацистов территориях необходимо будет осуществлять планомерную и последовательную денацификацию. Нужны конкретные нормы права об особенностях государственного управления и в целом юрисдикции на Украине» [23 с. 21]. Это касается как уже вошедших в состав России регионов, так и частично освобожденных административно-территориальных единиц. Тем не менее, перечисленные в статье направления работы затрагивают восстановление гражданско-правового порядка и обеспечение жизнедеятельности населения на освобожденных территориях, что, безусловно,

является мерами реабилитации освобождённого населения после многолетней травмы пребывания в условиях нацистской диктатуры. Как гуманитарная составляющая денацификации, эти меры будут иметь массовый терапевтический эффект, о чём уже свидетельствует успешный опыт интеграции Запорожской и Херсонской областей. Однако это лишь одно из направлений денацификации, требующей на самом деле полиаспектного, целостного и системного подхода.

Мы же в большинстве подобных публикаций, к сожалению, видим фрагментарность. Так, О. Иванов демонстрирует скорее политико-философский подход, в рамках которого цель денацификации и ее суть определяется как «формирование новой украинской идентичности как необходимое условие национальной безопасности России в будущем» [57]. Автор резонно предупреждает об угрозе сохранения и воспроизводства нацистской идентичности при поверхностном подходе к проведению денацификации. Однако меры, предлагаемые в статье, выглядят половинчатыми, сформулированными без учёта ситуации на местах. В частности, предложение запретить все старые украинские партии в силу их откровенной нацифицированности сопровождается предложением люстрации лишь тех чиновников, политических деятелей, общественных и иных активистов, кто «особенно открыто» оказывал поддержку националистическим силам и организациям. Аналогичным образом нецелесообразно или недостаточно ясно выглядит предложение запрета на профессию лишь тем сотрудникам СМИ, кто «формировал нацистский информационный контент», тогда как вся система вещания и цифрового блогинга Украины подверглась тотальной чистке и оказалась глубоко пропитана нацизмом: от выпусков новостей до развлекательных шоу, от телесериалов до кулинарных передач, от мастер-классов по «хэнд-мэйд» хобби до туристических блогов.

Еще больше возражений вызывает категоричность в том, что «необходимость оформления на законодательном и бытовом уровнях русского языка как идеологической основы русского

мировоззрения представляется безальтернативной». Это предложение без основательного определения статуса и границ применения украинского языка и без учета его распространения в различных регионах бывшей Украины звучит крайне конфликтогенно, неоднозначно и потому провокационно (особенно в травмированном обществе бывшей Украины), апелляция же к опыту и практике Донецкой и Луганской Народных Республик выглядит некорректно, ибо это едва ли не наиболее русскоязычные регионы, и их опыт нерепрезентативен для всей бывшей Украины. Обостренно политизированный вопрос языка на освобожденных территориях в условиях сохранения агентуры противника требует особой деликатности и дифференцированного подхода в каждом локальном сообществе, с одной стороны, и деполитизации вопроса украинского языка (тем самым – обезоруживания украинской нацистской пропаганды в пункте «русские пришли, чтобы уничтожить украинцев») – с другой.

Вместе с тем, в качестве разумного следует отметить предложение запрета деятельности т.н. «Православной церкви Украины» (ПЦУ), что, на наш взгляд, оправдано не только неканоничностью данной организации, а всей совокупностью преступной деятельности Филарета-Денисенко, его призывов убивать и оправданий агрессии на Донбассе, звучавших в «проповедях», привлечений нацистских боевиков для захвата зданий храмов, участия в легитимации нацистского мировоззрения, а равно и участия данной организации в институциональных структурах украинского нацистского режима. Всё это даёт основания признать ПЦУ экстремистской организацией.

Наиболее проработанные и взвешенные концептуальные основания денацификации представлены заместителем полномочного представителя Президента РФ в ЮФО, доктором социологических наук В.Н. Гурбой. Он учёл комплексность объекта денацификации как «системного процесса «оздоровления» общества, государства и массового сознания на основе преодоления рецидивов нацизма и национализма» [58, с. 223]. Особо важно отметить выделенное автором смыкание

либерализма и нацизма на общей антисоветской и русофобской почве: «Преодоление культурной травмированности массового сознания под влиянием постмодернистского либерального дискурса декоммунизации и дерусификации украинского общества» [58, с. 223]. Денацификация также должна включать, с его точки зрения, «демилитаризацию правовых и политических процедур, направленных на формирование ответственного гражданского общества, развитие системы самоуправления, реформированием сферы медиа, культуры и образования» [58, с. 223], что подразумевает «катарсис общественного сознания, возвращение к духовным историческим истокам, недопустимость этнической, этноязыковой, этнокультурной дискриминации, федерализация общественно-политического устройства» [58, с. 224]. Наконец «денацификация означает перестройку институциональной системы, содержащей блокираторы националистических и олигархических ресурсов» [58, с. 230]. Итак, перед нами попытка обнаружить сразу несколько уровней, слоёв и срезов денацификации: институциональный, практический, структурный, ресурсный, дискурсивный.

При этом В.Н. Гурба выделяет ряд условий, требующих постоянного внимания при разработке мер и принципов денацификации. Во-первых, при планировании кадрово-административной политики на освобождённых территориях необходимо учитывать факт зачистки «политического и информационного пространства Украины, когда под видом борьбы с сепаратизмом... противники киевского режима были без суда и следствия убиты или изгнаны из страны» [58, с. 228] – а следовательно, особенно внимательно борются с неизбежными попытками рецидивных проникновений бывших членов и субъектов нацистских структур и систем. Во-вторых, необходимо учитывать деградацию культуры и просвещения на подконтрольных Киеву территориях – при которых и только при которых могли распространиться откровенно мракобесные идеологии, безумные «исторические теории» и социал-расизм. В-третьих, существенным фактором является

конвейерное и индустриализированное подержание на этих территориях чувств агрессии, ненависти и вражды по отношению ко всему, что связано с Россией и общей исторической памятью, на что работают не только собственные ресурсы, но и немало западных экспортёров этого продукта на территорию Украины. В-четвёртых, «присущие украинскому национализму претензии на тысячелетнюю историю Украины и освободительную миссию украинского народа от иноземного гнета и порабощения, что являлось и является условием антироссийской модели украинской государственности» [58, с. 230], и что плотно увязано с тремя вышеприведенными факторами.

Попутно автор предлагает рекомендации по различным направлениям денацификации: создавать инклюзивные массовые структуры, объединяющие всех людей вокруг конструктивной и созидательной деятельности; «формировать в украинском обществе чувства принадлежности к гуманистической традиции и тем самым отстаивать православные и светские ценности на принципах гуманизма и солидарности» [58, с. 229] – отметим особенно, кстати, этот акцент на одновременном сосуществовании православных и светских ценностей, долженствующем не допускать ни религиозного обскурантизма, ни антирелигиозного манихейства; восстанавливать общинные связи и социально-политическую субъектность общества; формировать ответственность интеллигенции, готовой к «переустройству гражданского общества, способного распознать рецидивы национализма и дать ответ на вызовы, неизбежные для сценариев будущего Украины» [58, с. 230]; «реализовать дифференцированный подход, отражающий позиции и оценки различного украинского населения (интеллигенция, военнослужащие, управленцы, молодежь, сельские жители)» [58, с. 231]. Безусловно, без активной роли внешнего по отношению к нынешнему украинскому обществу субъекта и силового обеспечения этого процесса (прежде всего – разрушение информационного «купола ненависти», водружённого над бывшей Украиной) все эти благие пожелания останутся исключительно таковыми.

Отдельно хотелось бы подчеркнуть мысль В.Н. Гурбы о том, что успех денацификации культурной сферы будет определяться и тем, «в какой степени деятели российской культуры будут осознавать свою ответственность за проведение специальной военной операции, которая является не войной в классическом смысле, а гуманитарной миссией... обладает убеждающей силой антитоталитарного консенсуса, отклонением современного либерального тоталитаризма, порождающего нарратив постмодернистского нацизма» [58, с. 230].

Несмотря на различные аспекты денацификации, представленные авторами рассмотренных статей, мы не нашли в них системного анализа социальных институтов и групп населения, требующих применения денацификации и комплексной методологии для работы с ними. Это побуждает нас предложить собственное видение указанной проблемы.

Концептуальные основания и методические рекомендации поствоенной денацификации Украины

Прежде всего стоит сказать о потенциальных масштабах и задачах поствоенной денацификации.

Учитывая четверть века скрытой и почти десятилетие активной и жёсткой радикализации, нацификации, дегуманизации, дерационализации, тоталитаризации украинского общества и культуры, масштабы мер противодействия и исцеления должны быть сопоставимы. Мы отдаём себе отчёт в том, насколько технически и социально сложной будет подобная операция (скорее – уже терапия сразу после активной фазы СВО), однако без её проведения не только СВО не достигнет своих целей – она ещё и отдаст Россию от их достижения. Нельзя позволить утвердить на территории бывшей Украины националистические и нацистские идеологические позиции как приемлемые, как «героически выжившие».

Именно поэтому широкомасштабными, универсальными, касающимися всех граждан бывшей Украины должны стать:

- тщательная биографическая проверка с опорой на материалы социальных сетей и особым, но не исключительным (подчеркнём это) вниманием к отдельным группам (звеньям) риска и, соответственно, внимания (которые именно как «отдельные группы особого внимания» и нужно рассматривать в дальнейшем);
- проведение полного и исчерпывающего процесса самоанализа всех граждан Украины. Письменные документы по самоанализу (фактически – письменные развёрнутые и обстоятельные показания о своей деятельности, бездеятельности, взглядах, активности) за последние 10 лет станут как важным источником оперативной, розыскной, социологической, медийной и т.п. информации, так и основанием для привлечения к ответственности в случае дачи ложных показаний – а также способом вычленять возможные узлы, требующие особого внимания (на основании нестыковок, неточностей, сокрытий или откровенной лжи в этом самоанализе);
- проведение пересборок всех без исключения трудовых коллективов на территории бывшей Украины. В этой пересборке должно произойти низовое осмысление произошедшей трагедии, внутриколлективное переопределение социальных позиций, ролей и правил на основании восстановленной правовой системы, гарантированного государством и силовыми органами антифашизма и антинацизма, а также некий эквивалент «группового самоанализа» и «коллективного самоописания», если подняться на уровень выше предыдущих предложенных нами мер;
- широчайшая образовательная и информационная кампания по распространению знания о реальном положении вещей и реальных процессах за последние десять лет, в особенности о преступлениях «украинских патриотов», о горьких плодах «возрождения украинской нации», о социодемографических, экономических, политических, социальных, культурных последствиях в виде колоссального провала по всем показателям и измерениям. Это должно происходить при внимательном контроле со стороны государства, медиа, общественности, коллег, профессиональных сообществ (за исключением почти тотально заражённых ядом нацизма, о которых будет речь далее), с широким освещением и вовлечением специалистов из других стран, не замеченных в поддержке и спонсорстве украинского нацизма;
- восстановление единого с Россией исторического, топонимического, образовательного культурного пространства, с тем чтобы уничтожить следы активной нацификации максимально быстро и оперативно; запуск, налаживание и масштабирование программ обмена студентами и школьниками, программ внутреннего туризма для теперь уже нового единого пространства, программ развития спорта и физкультуры на внутреннем контуре (без обращения к дискредитировавшим себя «международным спортивным органам»);
- полный пересмотр образовательного, медийного, соцсетевого, религиозного, научного, государственно-административного, юридического дискурсов с привлечением внешних относительно бывшей Украины исполнителей. Ведь не только Россия обладает опытом сопротивления фашизму; этим опытом в той или иной форме обладают народы Ближнего Востока, и Северной Африки, Латинской Америки и Центральной Азии. Привлечение политиков, общественных деятелей, людей искусства **подлинно свободного международного сообщества** необходимы для снятия шор насаждаемого десятилетиями «евроатлантического» фетишизма и вырастающего из него многообразия форм периферийного фашизма;
- полная деконструкция символических фигур и исторических нарративов последних 10 лет. Никакая «героическая гибель» не

может стать оправданием для продолжения существования в памяти, на картах или в школьных программах, если эта гибель стала частью фундамента нацистского режима. Все возможные «герои небесной сотни», «герои майдана», «погибшие волонтеры» должны демонстрироваться как легитиматоры украинского нацизма, именно потому, что такие, казалось бы, «простые» «народные» фигуры являлись и являются питательной средой для выращивания коричневой чумы XXI века. А для этого первым важнейшим шагом будет отмена всех «коммеморативных», «мемориальных» и «номинативных» действий нацистской власти. Любое дальнейшее переименование или установление / уничтожение памятника должны осуществляться только и исключительно в рамках закона, в рамках консолидированного действия местных общин, в рамках и с учётом особенностей региона и его исторического пути – при полной недопустимости, конечно же, любых глорификаций нацизма в любой его форме независимо от «значимости фигуры для региона».

При планировании и реализации данных мер предлагается соотносить их со следующими принципами:

1. Детальная селективность и дифференцированность. Если в случае с предыдущей попыткой излечения общественного организма от коричневой чумы такая селективность была попросту недоступна (не было ни средств фиксации, ни достаточных объёмов информации, ни политических возможностей для необходимых решений и т.п.), то нынешние условия дают для этого намного больше шансов. «Прозрачность» интернета, цифровые возможности контроля и реконструкции прошлого (даже вопреки попыткам его «стереть» и «изменить»), возможности спецслужб и OSINT, общественности и социальных сетей – всё это должно быть поставлено на службу детальной селективности и дифференцированности, которые связаны со следующей важной характеристикой.

2. Справедливость и неотвратимость. Немалая часть нынешней поддержки украинского нацистского режима зиждется на системе следующих презумпций: а) наци-режим наказывает своих оппонентов жестоко и однозначно; б) российское государство склонно прощать, реабилитировать, «не замечать», «забывать»; в) соответственно, выбирая между двумя рисками, средний обыватель выберет демонстративную лояльность наци-режиму, потому что «Россия всё равно простит, а вот наци не простят». В этой ситуации любая лояльность бывших украинских граждан к России вовсе не равна лояльности бывших украинских граждан к наци-режиму: первое в украинских условиях – настоящий подвиг, второе – это пассивное преступление, замешанное на равнодушии, лоялизме, сервилизме, трусости и мещанской лени. Именно поэтому стоит различать как минимум несколько типов деяний по отношению к наци-режиму и к России (выстроим их по определённой порядковой шкале): демонстративная активная лояльность, активная лояльность, демонстративная пассивная лояльность, пассивная лояльность, «невидимость» (которая на самом деле в условиях наци-режима является протестом и отказом в легитимности), пассивная нелояльность, демонстративная пассивная нелояльность, активная нелояльность, демонстративная активная нелояльность. И каждый тип деяний должен иметь разветвлённые признаки, юридические и социальные последствия в виде наград и наказаний, ограничений и продвижений, и т.п.;

3. Развёрнутость в будущее. Предыдущие 10 лет (как минимум) активности любого из граждан бывшей Украины должны влиять на последующие возможности участия в реконструкции и развитии нового общества. Это необходимо не только для России, заинтересованной в лояльном, выздоровевшем, избавившемся от коричневой чумы обществе, но и для самого населения бывшей Украины. В этом смысле «запрет на профессию» (который в либеральной мифологии рассматривается как недопустимое ограничение личности и в то же время лицемерно

продвигается под видом «моральных санкций общественных активистов» и «общественного осуждения вследствие огласки») – это неизбежное средство самозащиты общества; деквалификация (то есть лишение предыдущих формальных признаний и достижений) – аналогично. Речь не идёт о «культуре отмены»: в конце концов, ведь некоторые культурные и материальные достижения Третьего Рейха остались с Германией и в дальнейшем, как это ни странно прозвучит. Бессмысленно, например, разрушать стадион, капитально реконструированный при наци-режиме; не имеет смысла запрещать писателя, публиковавшегося при наци-режиме, если его произведения не имели никакого отношения к этому режиму (и таким образом, писатель «подпадает» под определение «невидимости» или пассивной лояльности/нелояльности); нельзя исключать того, что даже в тотально деградировавшей и нацифицировавшейся науке бывшей Украины за эти годы было создано что-то значимое и важное. Однако и оставлять участникам наци-режима право беспредельно, неограниченно и безусловно участвовать в будущем этих территорий будет безответственно по отношению к тем, кто годами сражался с наци-режимом и кто положил свои жизни ради освобождения, а равно и по отношению к следующим поколениям, чьи головы могут оказаться под влиянием романтики «героев национального сопротивления».

4. Отказ от националистического в любых его проявлениях. Попытка «вышибать клин клином», а именно попытка выкорчёвывать украинский наци-дискурс и наци-практики замещением всего украинского российским при сохранении старых структур будет угрожающим сценарием для самой России, порождая возможности для нацификации патриотического дискурса и практик внутри самой России, а затем, соответственно – его маргинализации, стигматизации и превращения во врага всего человечества и всего человеческого. В этом смысле на освобождённых территориях мы сейчас наблюдаем постепенное разворачивание разумной политики по отношению к украинскому национальному и этническому, которую можно

сформулировать двумя «не»: «Не поддерживать и не запрещать». Такая политика нам кажется наиболее разумной не только по отношению к украинскому национальному и этническому, но и (как минимум на первых стадиях денацификации) – и к русскому / российскому именно с тем, чтобы не дискредитировать последнее, не насаживать его на нацистские структуры и практики бывшего украинского общества, а равно и не превращать оставшихся русскими жителей Украины во врагов превратившихся в «несчастных жертв» носителей украинской этнической или культурной идентификации. Кроме того, важнейшим предохранителем является тот факт, что именно так можно избежать мимикрии и превращения украинских «профессиональных патриотов» в русских «профессиональных патриотов», готовых предать в любой момент;

5. Активная реабилитация и возрождение левой альтернативы на украинских территориях. Десятилетиями левая повестка на этих территориях корчевалась, уничтожалась, выжигалась как наиболее последовательно антинацистская и, тем самым, наиболее опасная для киевского режима. Украинская политика предстаёт как последовательно антикоммунистическая (и хотя бы уже поэтому антисоциальная) и антисоветская. Тогда как сама модель российской политики (при которой центристская «Единая Россия» балансируется КПРФ слева и ЛДПР справа) представляет истинно демократический развитый билатеральный политический спектр. К этой модели политического сознания значительную часть населения бывшей Украины еще предстоит приучать и вводить в цивилизованные рамки. В этом смысле нельзя не приветствовать такой позитивный сигнал, как восстановление памятников В. Ленину в освобождённых городах Донбасса, Харьковщины и Херсонщины, а также призыв Вячеслава Володина к депутатам взять шефство над восстановлением памятников Ленину в каждом регионе [57].

6. Активный антиглобализм, антииндивидуализм, контрлиберализм, борьба с идеологией потребительского общества, мещанством, социальным и психологическим эгоизмом. Безусловно,

это будет вызовом для самого российского общества и государства, но это необходимая мера, и связана она прежде всего с тем, что все эти элементы – от глобализма до мещанства – активно участвовали в конституировании украинского нацизма, что с легкостью обнаруживается при сколько-нибудь детальном анализе дискурса и практик украинского нацизма на микроуровне. Насаждение ценностей труда, семьи, традиции, коллективности, идеи, миссии; переориентация с безликого, плоского глобализма во взглядах и ориентациях на умеренно консервативные, умеренно традиционалистские ценности и нормы при сочетании с восстановлением и развитием социалистических взглядов, имеющих глубокие исторические корни в русской народной культуре и хорошо соединяющихся с коллективизмом, трудом, ценностями семьи и истории, – всё это может помочь преодолеть не только сам украинский нацизм, но и глубоко укоренившиеся за последние 30 лет его основания и предпосылки.

7. Использование лучших достижений русской, российской и советской цивилизации с созданием максимума возможностей для уроженцев и граждан бывшей украинской территории вовлекаться и включаться в общий поток, почувствовать сопричастность великому наследию и великой стране («русское море», как сформулировал бы А.С. Пушкин). Такое вовлечение затронет, безусловно, не только людей идеи и мечты, однако на это следует пойти сознательно, чтобы вовлечь и задействовать как можно более широкие массы бывшего украинского общества, а главное – дать глоток свободы новым поколениям.

Одним из важнейших и самых тяжёлых для преодоления украинского нацизма факторов будет определение звеньев особого внимания (ЗОВ). Звенья цепей украинского нацизма – это прежде всего социальные категории и группы, которые максимально вовлечены в производство и воспроизводство системы украинского нацизма. Разрушение всей системы без ликвидации каждого из этих звеньев не будет окончательным. Перечислять их бессистемно бессмысленно,

мы попытаемся предложить подход систематизирующий, дающий критерии и основания для их выделения.

Критериями и основаниями для выделения групп особого внимания мы видим следующие (их же можно заложить и в функционирование органов опеки, надзора, охраны порядка и борьбы с возрождением нацизма).

1. Повседневная, жизненная зависимость от существования нацистской системы. Чем выше зависимость социальной группы от существования нацистской системы, тем более плотно (то есть касаясь каждого из членов группы) и интенсивно (то есть глубоко, содержательно, идеологично и даже религиозно) пропитана эта группа идеологией украинского нацизма. Например, социально-профессиональная группа шахтёров или работников коммунальных служб в этом смысле находится на одном полюсе (их жизнь мало зависит от существования нацистской системы), а журналисты или члены нацбатов – на противоположном.

2. Характер занятости по шкале «полностью символическое производство – полностью материальное производство». Можно с высокой вероятностью выдвинуть гипотезу (которая, конечно же, нуждается в строгой проверке, однако на уровне доступных наблюдений и данных хорошо описывает и объясняет многие процессы на территории Украины), что носители профессий, приближающихся к символическому производству или полностью погружённых в него, куда легче и глубже поддаются нацификации, а поэтому нуждаются в куда большем внимании и детальной работе с ними. Причины этого феномена нуждаются в дополнительном исследовании, однако сам этот феномен трудно подвергнуть сомнению.

3. Характер занятости по шкале «полная зависимость от глобального мира – полная автономия от глобальности». Как мы уже выше упоминали, глобализм как феномен и неолиберальная глобализация как процесс сыграли важнейшую роль в нацификации бывшей Украины. В этом смысле неудивительно, что социальные

группы, в своей деятельности и существовании глубоко и значимо зависимые от глобального мира (производство и функционирование цифровых технологий, грантовые сети NGO, спортсмены или учёные (чьи системы признаний и статусов во многом определяются глобальными структурами) и прочие подобные категории) демонстрируют высшую плотность и интенсивность заражения наци-идеологией.

4. Вовлечённость в воспроизводство самой нацистской системы. Здесь должен измеряться вклад каждой группы в воспроизводство нацистской системы, и, соответственно, оцениваться плотность и интенсивность заражённости группы наци-идеологией;

5. Связанность с основными секторами воспроизводства нацистской системы. Такими основными секторами мы считаем:

а. Силовое обеспечение (нацбаты, карбаты, террбаты, ВСУ, «Азов», «Кракен», СБУ, в несколько меньшей мере – полиция, таможня, погранслужба и т.п.);

б. Идеологическое обеспечение (профессиональные и дилетантские идеологи, публицисты, богема, интеллигенция);

в. Дискурсивное обеспечение (вплоть до «администраторов фб-сообществ» и «авторов тг-каналов»: на Украине сейчас это целая индустрия, в которой заняты десятки тысяч людей, некоторые на профессиональной основе, некоторые – на добровольной);

г. Повседневное обеспечение (волонтёры, школьные учителя, вузовские преподаватели, спортсмены – короче говоря, все те, кто участвовали в трансляции наци-идеологии в повседневность среднего гражданина);

д. Политическое обеспечение легитимации, постановка увлекательных политических зрелищ (социологи, эксперты, «учёные», политики, консультанты и т.п.);

е. Управленческое обеспечение функционирования нацистского режима (чиновники различных министерств и ведомств, исполнительный аппарат областных администраций, депутаты советов различных уровней);

ж. Материальное обеспечение наци-режима (например: разработчики и поставщики оружия; организаторы снабжения силовых и карательных подразделений; работники «ферм ботов» и «ферм айти-преступлений»; разработчики биологического оружия; и т.п.).

Также мы предполагаем некоторые дополнительные признаки, которые могут быть существенными для процесса денацификации (внутренняя солидарность группы; её отобилизованность; её медиапредставленность; количество «выживших» при наци-режиме общественных организаций данной социальной группы; связь деятельности группы с государством; и прочее), однако влияние этих признаков на нацификацию (как направление, так и жёсткость) нуждается в дополнительном исследовании и анализе, поэтому мы не станем предлагать их как хотя бы базово готовое решение.

Заключение

Таким образом, денацификация предусматривает не только разрушение бесчеловечной машины украинского нацизма, но и деструкцию узлов этой машины в виде, например, звеньев особого внимания. Это разрушение должно осуществляться как на уровне дискурсивном, так и на уровне практическом, как на уровне восприятия обществом престижа этих социальных групп, так и на уровне воспроизводства условий для самого воспроизводства такой группы как минимум в её нынешнем виде. В любом случае бросить вызов системе украинского нацизма возможно исключительно системным образом. И даже кажущаяся системной победой деструкция машины украинского нацизма без дальнейшего разрушения ее жизнеспособных узлов приведёт только к пересборке этой машины (при посильном участии западных стран-спонсоров нацизма), её конспирации, нормализации и рутинизации. Любые несистемные, случайные, произвольные меры окажутся не только неэффективными, но и дискредитируют саму идею антифашизма, что является худшим из возможных сценариев.

Список литературы

1. *Эмилио Джентиле*. Фашизм: история и истолкование. – СПб.: Владимир Даль, 2022. – 558 с.
2. *Нольте Э.* Фашизм в его эпохе. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 568 с.
3. *Манн М.* Фашисты. Социология фашистских движений. – М.: Пятый Рим, 2019. – 592 с.
4. *Lukacs G.* The Destruction of Reason. – Atlantic Highlands: Humanities Press, 1981. – 865 p.
5. *Штернхель З., Шнайдер М., Ашеру М.* Рождение фашистской идеологии. – СПб.: Владимир Даль, 2022. – 716 с.
6. XIII пленум ИККИ: Стеногр. отчет. – М.: Партиздат, 1934. – 597 с.
7. *Галкин А.А.* Германский фашизм. Изд. 2-е, доп. – М.: Наука, 1989. – 352 с.
8. *Панковский Р.* Расизм и популярная культура. – Варшава; Кишинев: Университет «Высшая антропологическая школа», 2014. – 204 с.
9. *Паніотто В.* Динаміка ксенофобії та антисемітизму в Україні (1994-2007 рр.) // Социология, теория, методы, маркетинг. – 2008. – № 1. – С. 197-213.
10. *Багдасарян В.Э.* Либерализм и фашизм: сущностное единство. (Доклад на научно-экспертной сессии «Российский либеральный эксперимент: итоги и анализ», 09.10.2014 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ussr-2.ru/index.php/sss-2-0/mirostroitelstvo/1394-liberalizm-i-fashizm-sushchnostnoe-edinstvo> (дата обращения 14.12.2022).
11. *Моисеев Д.* Политическая философия итальянского фашизма. Становление и развитие доктрины. – М.; Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2021. – 320 с.
12. *Данэм Б.* Гигант в цепях. Избранные труды. – М.: Наука, 1984. – 380 с.
13. *Бернадинер Б.М.* Философия Ницше и фашизм. – М.: ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ, 1934. – 142 с.
14. *Lukács G.* Zur Kritik der faschistischen Ideologie. – Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1990. – 464 p.
15. *Эвола Ю.* Указания по расовому воспитанию // Эвола Ю., Шуон Ф., Генон Р. Касты и расы. – Тамбов: Ex Nord Lux, 2010. – С. 96-153
16. *Эвола Ю.* Языческий империализм // Политические трактаты / Эвола Юлиус. – М.: Опустошитель, 2020. – С. 6-178.
17. *Эвола Ю.* Восстание против современного мира. – М.: Тотенбург, 2016. – 476 с.
18. *Деягин М.* Необходимость и неизбежность денацификации Украины // Свободная мысль. – 2017. – № 1. – С. 5-16.
19. *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с.
20. *Fukuyama F.* A Country of Their Own. Liberalism Needs the Nation // Foreign Affairs. – 2022. – May/June. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2022-04-01/francis-fukuyama-liberalism-country> (дата обращения 14.12.2022).
21. *Дюков А.Р.* За что сражались советские люди. – СПб.: Питер, 2020. – 480 с.
22. *Яковлев Е.* Война на уничтожение. Третий Рейх и геноцид советского народа. Издание 2-е, перераб., доп. – СПб.: Питер, 2022. – 480 с.
23. *Глебов И.Н.* Международно-правовые основания демилитаризации и денацификации Украины // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. – 2022. – № 2-3 (17-18). – С. 6-25.
24. Русская Галиция и «мазепинство». – М.: Имперская традиция, 2005. – 592 с.
25. *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX- XXвв. – М.: Имперская традиция, 2007. – 192 с.
26. *Донцов Д.* Націоналізм. – Львів: Нове життя, 1926. – 270 с.
27. *Сціборський М.* Націократія. – Вінниця: ДП «Державна картографічна фабрика», 2007. – 112 с.
28. *Волковський В.* Генеза української національної ідеї або звідки родом українство? // Наука і суспільство. – 2015. – № 3/4. – С. 2-15.
29. *Мірчук П.* Відродження великої ідеї. – Торонто: Ліга визволення України, 1954. – 64 с.
30. *Дмитро Донцов.* Вибрані твори: у 10 томах. Т. 1: Політична аналітика (1912-1918 рр.). – Дрогобич: ВФ «Відродження», 2011. – 326 с.
31. *Бандера С.* Перспективи української революції. Збірник вибраних праць. – Дрогобич: Відродження, 1998. – 656 с.
32. *Луна Ю.* Розподіл Росії. – НЮ ЙОРК: Говерля, 1954. – 126 с.
33. *Луна Ю.* Всеукраїнська трилогія: У 2 т. – Том 2: Чорноморська доктрина; Чорноморський

- простір (атлас); Розподіл Росії. – К.: МАУП, 2007. – 392 с.
34. *Липа Ю.* Геополітичні орієнтири нової України. – К.: КУН, 1999. – 20 с.
35. *Липа Ю.* Призначення України. – Львів: Просвіта, 1992. – 270 с.
36. *Євген Коновалець та його доба.* – Мюнхен: Видавництво Фондації ім. Євгена Коновальця, 1974. – 1120 с.
37. *Бышок С.* Иллюзия свободы. Куда ведут Украину новые бандеровцы. Второе издание. – М.: Книжный мир, ФРИГО «Народная дипломатия», 2013. – 352 с.
38. *Бышок С., Кочетков А.* Евромайдан имени Степана Бандеры. От демократии к диктатуре. Второе издание. – М.: Книжный мир, ФРИГО «Народная дипломатия», 2014. – 480 с.
39. Экспертный доклад «Экстремизм в украинской политике, обществе, СМИ и силовых структурах». Выпуск I. – М.: Международная организация по наблюдению за выборами CIS-ЕМО, 2015. – 256 с.
40. *Кочетков А.* Кровавые преступления бандеровской хунты. – М.: Книжный мир, 2015. – 352 с.
41. *Кочетков А.* Черное солнце Украины. История неонацистского движения «Азов». – М.: Книжный мир, 2020. – 736 с.
42. *Григорьев М.С.* Евромайдан. – М.: Кучково поле, 2014. – 464 с.
43. *Григорьев М.С.* Обыкновенный фашизм: военные преступления украинских силовиков (2014-2016). – М.: Кучково поле, 2016. – 432 с.
44. *Григорьев М.С., Саблин Д.В.* Обыкновенный фашизм: украинские военные преступления и нарушения прав человека (2017-2020). – М.: Международные отношения, 2021. – 456 с.
45. Военные преступления украинских силовиков: пытки и бесчеловечное обращение с жителями Донбасса. – М.: Фонд исследования проблем демократии, 2014. – 28 с.
46. Военные преступления украинских силовиков: пытки и бесчеловечное отношение. Второй доклад. – М.: Фонд исследования проблем демократии, 2015. – 144 с.
47. Белая книга нарушений прав человека и принципа верховенства права на Украине (ноябрь 2013 – март 2014). – М.: МИД РФ, 2014. – 81 с.
48. Белая книга нарушений прав человека и принципа верховенства права на Украине (апрель – июнь 2014). – М.: МИД РФ, 2014. – 51 с.
49. Белая книга нарушений прав человека и принципа верховенства права на Украине (июль – ноябрь 2014). – М.: МИД РФ, 2014. – 113 с.
50. Трагедия юго-востока Украины. Белая книга преступлений / Под ред. докт. юрид. наук А.И. Бастрыкина. 2-е изд., доп. – М., 2015. – 368 с.
51. Массовые нарушения прав человека в ходе гражданского противостояния на Украине, 22 февраля – 22 мая 2014 года / Под ред. А.Р. Дюкова. – М.: Группа информации по преступлениям против личности, 2014. – 128 с.
52. *Мальцев В.* Жертва гражданской войны. Преследования Украинской православной церкви в ходе конфликта на Украине, 2014–2015 гг. / Группа информации по преступлениям против личности (IGCP). – М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2016. – 160 с.
53. Архітектори Інтермаріуму (з присвятою Олександрю Маслаку). [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Tb0yCDYqDvA> (дата обращения 14.12.2022).
54. «Спочатку будуть горіти російські танки, а потім – Кремль» – Юрій Гудименко. [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=CRTcZuoYyV0> (дата обращения 14.12.2022).
55. *Багдасарян В.Э.* Денацификация Украины: феноменология неонацизма // Среднерусский вестник общественных наук. – 2022. – Т. 17. – №2. – С.13-28.
56. *Кикнадзе В.Г.* Украинский национализм: от истоков до денацификации в ходе специальной военной операции Российской армии // Наука. Общество. Оборона. – 2022. – Т. 10. – № 3 (32). – С. 17.
57. *Иванов О.Б.* Практическая часть реализации задачи по денацификации Украины // Конфликтология / nota bene. – 2022. – № 3. – С. 1-15.
58. *Гурба В.Н.* Денацификация Украины: политико-философский контекст // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2022. – Т. 15. – № 3. – С. 223–232.

59. Председатель ГД призвал депутатов взять шефство над восстановлением памятников в регионах. 9.11.2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/55701/> (дата обращения 14.12.2022).

References

1. *Emilio Dzhentile*. Fascism: history and interpretation. – SPb.: Vladimir Dal', 2022. – 558 p.
2. *Nol'te E.* Fascism in its era. – Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 2001. – 568 p.
3. *Mann M.* Fascists. Sociology of fascist movements. – M.: Pyat'j Rim, 2019. – 592 p.
4. *Lukacs G.* The Destruction of Reason. – Atlantic Highlands: Humanities Press, 1981. – 865 p.
5. *SHternhel' Z., SHnajder M., Asheri M.* The birth of fascist ideology. – SPb.: Vladimir Dal', 2022. – 716 p.
6. XIII plenum IKKI: Stenogr. otchet. – M.: Partizdat, 1934. – 597 p.
7. *Galkin A.A.* German fascism. Ed. 2. – M.: Nauka, 1989. – 352 p.
8. *Pankovskij R.* Racism and popular culture. – Varshava; Kishinev: Universitet «Vysshaya antropologicheskaya shkola», 2014. – 204 s.
9. *Paniotto V.* Dynamics of xenophobia and anti-Semitism in Ukraine (1994-2007) // Sociology, theory, methods, marketing. – 2008. – No. 1. – pp. 197-213.
10. *Bagdasaryan V.E.* Liberalism and fascism: essential unity. (Report at the scientific expert session “Russian liberal experiment: results and analysis”, 09.10.2014) [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.ussr-2.ru/index.php/sss-2-0/mirostroitelstvo/1394-liberalizm-i-fashizm-sushchnostnoe-edinstvo> (date of access 14.12.2022).
11. *Moiseev D.* The political philosophy of Italian fascism. Formation and development of the doctrine. – M.; Ekaterinburg: Kabinetnyj uchyonyj, 2021. – 320 p.
12. *Danem B.* Giant in chains. Selected writings. – M.: Nauka, 1984. – 380 p.
13. *Bernadiner B.M.* Nietzsche's philosophy and fascism. – M.: OGIK-SOCEKGIZ, 1934. – 142 p.
14. *Lukács G.* Zur Kritik der faschistischen Ideologie. – Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1990. – 464 p.
15. *Evola Yu.* Racial Education Guidelines // Evola Yu., Shuon F., Genon R. Kasty i rasy. – Tambov:

Ex Nord Lux, 2010. – pp. 96-153

16. *Evola Yu.* YAzycheskij imperialism. Politicheskie traktaty / Evola Yulius. – M.: Opushshitel', 2020. – pp. 6-178.
17. *Evola Yu.* Revolt against the modern world. – M.: Totenburg, 2016. – 476 p.
18. *Delyagin M.* Necessity and inevitability of denazification of Ukraine // Svobodnaya mysl'. – 2017. – No. 1. – pp. 5-16.
19. *Hantington S.* Tret'ya volna. Democratization at the end of the 20th century. – M.: ROSSPEN, 2003. – 368 s.
20. *Fukuyama F.* A Country of Their Own. Liberalism Needs the Nation // Foreign Affairs. – 2022. – May/June. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2022-04-01/francis-fukuyama-liberalism-country> (date of access 14.12.2022).
21. *Dyukov A.R.* What did the Soviet people fight for?. – SPb.: Piter, 2020. – 480 p.
22. *Yakovlev E.* War of annihilation. The Third Reich and the genocide of the Soviet people. Ed 2. – SPb.: Piter, 2022. – 480 p.
23. *Glebov I.N.* International legal grounds for the demilitarization and denazification of Ukraine // Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. International law. – 2022. – No. 2-3 (17-18). – pp. 6-25.
24. *Russkaya Galiciya i «mazepinstvo».* – M.: Imperskaya tradiciya, 2005. – 592 p.
25. *Pashaeva N.M.* Essays on the history of the Russian movement in Galicia XIX-XX centuries. – M.: Imperskaya tradiciya, 2007. – 192 p.
26. *Dontsov D.* Natsionalizm. – Lviv: Nove zhyttia, 1926. – 270 p.
27. *Stsiborskyi M.* Natsiokratiia. – Vinnytsia: DP «Derzhavna kartohrafichna fabryka», 2007. – 112 p.
28. *Volkovskiy V.* Genesis of the Ukrainian national idea or where does Ukrainianness come from? // Science and society. – 2015. – No. 3/4. – pp. 2-15.
29. *Mirchuk P.* Revival of a great idea. – Toronto: Liha vyzvolennia Ukrainy, 1954. – 64 p.
30. *Dmytro Dontsov.* Selected works: in 10 volumes. Vol. 1: Political analysis (1912-1918). – Drohobych: VF “Vidrodzhennia”, 2011. – 326 p.
31. *Bandera S.* Prospects of the Ukrainian Revolution. Collection of selected works. – Drohobych: Vidrodzhennia, 1998. – 656 p.

32. *Lyra Yu.* Distribution of Russia. – New York: Hooverlia, 1954. – 126 p.
33. *Lyra Yu.* All-Ukrainian trilogy: In 2 volumes – Volume 2: Black Sea doctrine; Black Sea space (atlas); Distribution of Russia. – K.: MAUP, 2007. – 392 p.
34. *Lyra Yu.* Geopolitical orientations of the new Ukraine. – K.: KUN, 1999. – 20 p.
35. *Lyra Yu.* Destination of Ukraine. – Lviv: Prosvita, 1992. – 270 p.
36. Yevhen Konovalts and his time. – Munich: Publishing House of the Foundation named after Yevghena Konovaltsia, 1974. – 1120 p.
37. *Byshok S.* Illusion of freedom. Where are the new Banderites leading Ukraine? 2nd Ed. – M.: Knizhnyj mir, FRIGO «Narodnaya diplomatiya», 2013. – 352 p.
38. *Byshok S., Kochetkov A.* Euromaidan named after Stepan Bandera. From democracy to dictatorship. 2nd Ed. – M.: Knizhnyj mir, FRIGO «Narodnaya diplomatiya», 2014. – 480 p.
39. Expert report “Extremism in Ukrainian politics, society, media and law enforcement agencies”. Release I – M.: Mezhdunarodnaya organizaciya po nablyudeniyu za vyborami CIS-EMO, 2015. – 256 p.
40. *Kochetkov A.* Bloody crimes of the Bandera junta. – M.: Knizhnyj mir, 2015. – 352 p.
41. *Kochetkov A.* Black sun of Ukraine. The history of the neo-Nazi movement “Azov”. – M.: Knizhnyj mir, 2020. – 736 p.
42. *Grigor'ev M.S.* Euromaidan. – M.: Kuchkovo pole, 2014. – 464 p.
43. *Grigor'ev M.S.* Ordinary fascism: war crimes of the Ukrainian security forces (2014-2016). – M.: Kuchkovo pole, 2016. – 432 p.
44. *Grigor'ev M.S., Sablin D.V.* Ordinary fascism: Ukrainian war crimes and human rights violations (2017-2020). – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2021. – 456 p.
45. War crimes of the Ukrainian security forces: torture and inhuman treatment of the inhabitants of Donbass. – M.: Fond issledovaniya problem demokratii, 2014. – 28 p.
46. War crimes of the Ukrainian security forces: torture and inhuman treatment. Second report. – M.: Fond issledovaniya problem demokratii, 2015. – 144 p.
47. White Paper on Violations of Human Rights and the Rule of Law in Ukraine (November 2013 – March 2014). – M.: MID RF, 2014. – 81 p.
48. White paper on violations of human rights and the rule of law in Ukraine (April – June 2014). – M.: MID RF, 2014. – 51 p.
49. White Paper on Violations of Human Rights and the Rule of Law in Ukraine (July – November 2014). – M.: MID RF, 2014. – 113 p.
50. The tragedy of the south-east of Ukraine. White Book of Crimes / Ed. doc. legal Sciences A.I. Bastrykin. 2nd ed., supplement. – M., 2015. – 368 p.
51. Mass violations of human rights during the civil confrontation in Ukraine, February 22 – May 22, 2014 / Ed. A.R. Dyukov – M.: Gruppa informacii po prestupleniyam protiv lichnosti, 2014. – 128 p.
52. *Mal'cev V.* A victim of the civil war. Persecution of the Ukrainian Orthodox Church during the conflict in Ukraine, 2014–2015 / Information group on crimes against the person (IGCP). – M.: Associaciya knigoizdatelej «Russkaya kniga», 2016. – 160 p.
53. Architects of Intermarium (with a dedication to Oleksandr Maslak). [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=Tb0yCDYqDvA> (date of access 14.12.2022).
54. “First the Russian tanks will burn, and then the Kremlin” – Yuriy Gudymenko. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=CRTcZuoYyB0> (date of access 14.12.2022).
55. *Bagdasaryan V.E.* Denazification of Ukraine: phenomenology of neo-Nazism // Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. – 2022. – V. 17. – No. 2. – pp.13-28.
56. *Kiknadze V.G.* Ukrainian nationalism: from origins to denazification during a special military operation of the Russian army // Nauka. Obshchestvo. Oborona. – 2022. – T. 10. – № 3 (32). – p. 17.
57. *Ivanov O.B.* The practical part of the implementation of the task of denazification of Ukraine // Konfliktologiya / nota bene. – 2022. – No. 3. – pp. 1-15.
58. *Gurba V. N.* Denazification of Ukraine: political and philosophical context // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Social and economic sciences. – 2022. – V. 15. – No. 3. – pp. 223–232.
59. The Chairman of the State Duma called on the deputies to take patronage over the restoration of monuments in the regions. 9.11.2022 r. [Electronic resource]. – Access mode: <http://duma.gov.ru/news/55701/> (date of access 14.12.2022).

Статья поступила в редакцию 15 декабря 2022 г.

Принята к публикации 28 декабря 2022 г.

Ссылка для цитирования: Шерстобоев В.В. Поствоенная денацификация Украины: задачи, принципы, критерии выделения групп особого внимания // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2022. № 4(40). С. 5-27. DOI: <https://doi.org/10.37468/2307-1400-2022-4-5-27>

For citation: Sherstoboev V.V. Postwar denazification of Ukraine: tasks, principles, criteria for highlighting groups of special attention // National security and strategic planning. 2022. № 4(40). pp. 5-27. DOI: <https://doi.org/10.37468/2307-1400-2022-4-5-27>

Сведения об авторах:

ШЕРСТОБОВЕ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Академия наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия
e-mail: urocardilus@mail.ru

Information about authors:

SHERSTOBOEV VLADISLAV V. – PhD in Sociology, Senior Researcher, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia
e-mail: urocardilus@mail.ru